

Хань Шаочжоу был абсолютно уверен: Мо Мин всё ещё в квартире, прячется в какой-нибудь комнате или в потайном углу.

«В ванной? В кладовой?.. Или за теми шторами на балконе?»

Малыш вздумал играть с ним в прятки в самый неподходящий момент. Как только он выпроводит деда, этот проказник получит заслуженный урок. Видимо, Хань Шаочжоу и впрямь слишком его избаловал — мальчишка совсем перестал считаться с его словами. Если не приструнить его сейчас, то что же будет дальше?

Мужчина медленно обводил взглядом все возможные места, где мог укрыться Мо Мин, пока резкий удар трости по голени не заставил его вздрогнуть от боли и вернуться в реальность.

— Ты меня вообще слушаешь? — возмутился Хань Чанцзун, гневно сверкнув глазами. — Всё ещё своего кота высматриваешь?

Хань Шаочжоу потёр ушибленную ногу и нехотя перевёл взгляд на деда:

— Слушаю, дедушка. Конечно, слушаю. Продолжай.

— Я говорю, что ты, верно, уже и сам знаешь о Вэнь Цы. Он развёлся. Теперь он официально свободен.

Хань Чанцзун смотрел на внука, и в его взгляде читалась сложная гамма чувств. Старик с гордостью наблюдал, как Шаочжоу мужал и рос над собой все эти годы, и лишь его непостоянство в личной жизни вызывало тревогу. Он помнил, как тот бросался в омут чувств без оглядки и как потом увядал от тоски и разочарования — сердце деда каждый раз сжималось от боли за него.

Хань Чанцзун чувствовал себя в долгу перед внуком. Когда родители Шаочжоу погибли, тот был совсем ребёнком, едва начавшим осознавать мир. Старику тогда пришлось в одиночку тащить на себе весь бизнес, и он почти не участвовал в воспитании мальчика. Позже, когда наследник превратился в несносного бунтаря, дед винил в этом лишь себя.

Вэнь Цы тогда показался ему спасением. Старик искренне верил, что изменить характер взрослого, уже сформировавшегося мужчины может только любовь. Именно поэтому он сквозь пальцы смотрел на то, как Шаочжоу безумствовал, готовый растратить всё семейное состояние ради расположения своего кумира.

Если называть вещи своими именами, это был эгоизм. Хань Чанцзун не то чтобы как-то особенно ценил этого юношу, он просто пёкся о счастье внука. Семье Хань не нужны были

династические браки для укрепления статуса, а сам Вэнь Цы казался вполне достойным человеком. Дед позволял Шаочжоу следовать велению сердца, надеясь, что настоящая любовь сможет восполнить ту нехватку тепла, которую мальчик ощутил в детстве.

— Да, я в курсе, — отозвался Хань Шаочжоу, покосившись на балкон.

Подол шторы едва заметно колыхнулся — то ли от сквозняка, то ли от того, что кто-то за ним шевельнулся.

— Кто бы мог подумать, — старик тяжело вздохнул, и в его голосе прозвучало искреннее облегчение. — То, о чём мы и мечтать не смели, внезапно стало реальностью.

— ...

Хань Шаочжоу едва заметно усмехнулся:

— Не приплетай меня сюда. У меня больше нет таких мыслей.

Старик даже не обиделся:

— А помнишь, когда я возил тебя развеяться на гору Фоюань? Что ты тогда написал в записке, которую повесил на Дерево Желаний?

Хань Шаочжоу нахмурился:

— Ты что, подглядывал?

— Я боялся, что ты в тот момент решишь свести счёты с жизнью и оставишь предсмертную записку. А что я там увидел?

Старик не лгал. После свадьбы Вэнь Цы состояние Шаочжоу по-настоящему пугало его, и он пытался понять, что творится в душе у внука, чтобы вовремя прийти на помощь. А в той записке Шаочжоу просил лишь об одном: чтобы любимый поскорее развёлся и вернулся к нему. И там же он клялся ждать его столько, сколько потребуется.

Позже Хань Чанцзун приказал А Дэ снять эту записку и выбросить. Тогда он и сам понимал, что желать краха чужому браку — дело довольно скверное.

— Дедушка, не надо постоянно вспоминать то, что было три года назад. Кто из нас не совершал глупостей в юности? — Хань Шаочжоу попытался перевести тему. — Ты сам рассказывал, как прадед чуть не переломал тебе ноги, когда ты бегал за бабушкой. А отец ради мамы едва не

согласился уйти в её семью примаком. Ты ещё тогда сокрушался, что в роду Хань одни безумцы в любви. А теперь смеёшься надо мной.

Хань Чанцзун не выдержал и рассмеялся:

— У тебя ещё хватает совести сравнивать себя со мной или с отцом! Мы, какими бы смешными ни казались, своих женщин добились. А ты? Мало того что не добился, так ещё чуть ли не истерики закатывал. В старые времена ты бы, верно, нагрянул к нему в дом и силой бы увёз.

Хань Шаочжоу поднялся с места:

— Пойду гляну, как там А Дэ справляется с ужином.

— Сядь! — прикрикнул старик.

Мужчина с досадой в глазах, но вполне покорно опустился обратно на диван.

— Ладно, хватит пустых разговоров. Я пришёл, чтобы спросить тебя кое о чём... — Голос Хань Чанцзуна стал мягче и серьёзнее. — Вэнь Цы теперь свободен. Что ты намерен делать? Есть какой-то план? Или всё будет как раньше?

Старик больше всего боялся, что внук снова бросится в эту погоню, не оставляя себе ни шанса на отступление. Сколько раз за одну жизнь человек может пережить подобную боль?

Хань Шаочжоу уже открыл было рот, чтобы ответить, но невольно снова глянул на балкон.

«Неужели он и впрямь прячется там? Если Мо Мин действительно за шторой, значит, он слышит каждое слово этого разговора»

Хань Шаочжоу прищурился.

— Дедушка, я понимаю, к чему ты клонишь, — произнёс он. — Не волнуйся, я всё прекрасно осознаю. За эти годы я достаточно побыл посмешищем, пора бы и поумнеть, не так ли?

Видя спокойствие на лице внука, Хань Чанцзун почувствовал, как с души свалился камень.

— Если ты так рассуждаешь, то я спокоен. Признаться, идя сюда, я гадал: не станет ли для тебя помехой то, что Вэнь Цы уже побывал в браке? Не пошатнётся ли твоя былая решимость?

— Я не настолько ограничен в суждениях, — Хань Шаочжоу мельком глянул на балкон и добавил ледяным тоном: — Когда я выбираю человека, мне плевать, был ли он в браке или

овдовел. Для меня это не имеет значения.

Хань Чанцзун невольно улыбнулся:

— Ну надо же, какой гордец выискался.

Штора на балконе снова едва заметно дрогнула. Хань Шаочжоу отвёл взгляд.

— Мы не виделись несколько лет. Даже не знаю, как он сейчас.

— Говорят, вернётся со дня на день. Главное — помни, что ты мне только что обещал. Не смей повторять старых ошибок, — лицо старика снова стало серьёзным. — У меня ведь только один внук...

— Не переживай, старик, — Хань Шаочжоу приобнял деда за плечи и усмехнулся. — Обо мне беспокоиться не стоит. Люди растут над собой, и твой внук не исключение.

Пройдя через всё это однажды, Шаочжоу теперь больше всего презирал тех, кто готов был лезть в петлю из-за любви. Включая самого себя в прошлом.

— Ну и славно. Раз ты стал благоразумнее и спокойнее в чувствах, мне куда легче на сердце, — кивнул Хань Чанцзун, и черты его лица смягчились. — Раз мы всё обсудили, я теперь знаю, как мне действовать дальше.

Хань Шаочжоу мгновенно насторожился:

— Дедушка, только не вздумай вмешиваться. Занимайся своими делами, я не доставлю тебе лишних хлопот.

— Понимаю. В делах сердечных ты должен во всём разобраться сам.

Они ещё недолго поговорили о семейных делах — это была на редкость спокойная и душевная беседа. Наконец из кухни вышел А Дэ.

— Господин Хань, ужин готов, — доложил он.

Хань Чанцзун медленно поднялся с дивана:

— Ужинать с тобой не останусь. Я просто заехал повидаться. Дома ещё полно дел, которые требуют моего внимания.

Хань Шаочжоу, помня о притаившемся на балконе Мо Мине, не стал настаивать и пошёл провожать деда к машине.

В лифте Хань Чанцзун напомнил внуку, что тому стоит чаще навещать деда со стороны матери.

— Твой дедушка Пан больше всех о тебе печётся.

— Знаю. Я недавно у него был.

Пан Миншуню было уже за восемьдесят. Он был тяжело болен, и врачи давали ему не больше года. Его жизнь тоже не была лёгкой: в один миг несчастный случай унёс жизни его сына, дочери и зятя. И хотя рядом с ним всегда был преданный приёмный сын, старик, чтивший кровные узы, больше всего любил своего единственного внука.

Во время недавней поездки в Город * Шаочжоу специально заезжал к нему. Пан Миншунь тогда намекнул, что хочет передать ему часть семейных активов. В тот момент приёмный сын старика — номинальный дядя Шаочжоу — стоял рядом, так что Хань Шаочжоу предпочёл промолчать и не развивать эту тему.

Спустившись вниз, Хань Шаочжоу подождал, пока дед медленно сядет в машину. Когда двигатель глухо заурчал, он, помедлив мгновение, заговорил:

— Дедушка.

Хань Чанцзун повернулся и посмотрел на него через стекло.

— Не волнуйся, — спокойно произнёс Хань Шаочжоу и слегка улыбнулся. — Впредь я тебя не разочарую. Ни в чём.

Старик на мгновение замер, а затем в его глазах вспыхнула тёплая, ласковая улыбка.

— И в личной жизни — особенно, — добавил Хань Шаочжоу.

Честно говоря, вспоминая сейчас свои прежние выходки, он сам считал себя полным идиотом. Тот прошлый Шаочжоу казался ему совершенно чужим человеком. Тогда он наивно верил, что без любви жизнь теряет всякий смысл, но время шло, и те бурные, болезненные воспоминания постепенно стёрлись.

Такая безрассудная, сжигающая всё на своём пути страсть случается лишь раз в жизни. Быть

может, он действительно был одержим, вёл себя по-детски глупо и упрямо. Он даже сейчас не до конца понимал, во что превратилось то пламя в его душе, но теперь он мог смотреть на прошлое со стороны — трезво и совершенно спокойно.

— Вот и хорошо, — тихо рассмеялся Хань Чанцзун. — Помни свои слова.

— Помню.

— Да, и ещё — бросай затею с котом, — внезапно добавил старик. — Ты вечно занят, даже помощницы нет. Кот в квартире будет то сыт, то голоден. Если он тебе так дорог, отвези его в дом на горе Шампань, пусть прислуга за ним присматривает.

Хань Шаочжоу едва заметно повёл бровью. Поместье на Шампани — место великолепное, и уход там обеспечен, но ему нравилось жить здесь, с Мо Мином. Атмосферу тихого домашнего уюта не заменит никакой роскошный особняк.

Впрочем, иногда можно было бы наведываться и туда.

— Ладно, — согласился Хань Шаочжоу. — Позже я посоветуюсь с «котом», посмотрим, что он на это скажет.

— ...

Хань Чанцзун молча поднял стекло и велел А Дэ трогаться. Когда машина плавно выехала со двора, старик откинулся на спинку сиденья и погрузился в раздумья.

— Супруги Вэнь скоро открывают в Чуаньхае выставку своих картин. Купи несколько полотен от моего имени, — велел он ассистенту, не открывая глаз. — И ещё... госпожа Шэнь просила за свою племянницу, та вроде хочет попробовать себя в кино. Передай в Синцы, пусть подпишут с ней контракт и обеспечат девушке хорошие условия.

— Слушаюсь.

Проводив деда, Хань Шаочжоу поспешил обратно в апартаменты.

Войдя в дверь, он не спеша закатал рукава. В душе он усмехался, но в глубине глаз всё ещё тлело глухое раздражение.

«Вздумал играть со мной в прятки? Что ж, пусть теперь не жалуется, когда я заставлю его

жалобно мяукать под собой»

<http://bllate.org/book/15854/1437098>